

СИСТЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Абдумаликова Дилнура

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу проблем классификации частей речи в современном русском языке. Исследуются исторические и методологические предпосылки формирования частеречной системы, анализируются критерии выделения лексико-грамматических разрядов и рассматривается вклад крупнейших лингвистов в разработку теории слова. Фокусируется на процессах переходности и функциональной омонимии.

Ключевые слова: части речи, морфология, семантика, синтаксис, классификация, русский язык, академическая грамматика.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of parts of speech classification in the modern Russian language. The first part examines the historical and methodological prerequisites for the formation of the part-of-speech system, analyzes the criteria for identifying lexical and grammatical categories, and examines the contribution of the greatest linguists to the development of the theory of words. The second part focuses on the processes of transitivity and functional homonymy.

Keywords: parts of speech, morphology, semantics, syntax, classification, Russian language, academic grammar.

Вопрос о частях речи в современном русском языке представляет собой одну из самых древних и, парадоксально, одну из самых актуальных проблем теоретической лингвистики. Грамматическая природа слова — это многомерная реальность, которая не поддается упрощенному делению на изолированные группы. На протяжении столетий исследователи пытались найти универсальный «ключ» к систематизации лексики, однако каждый новый этап развития науки лишь подтверждал, что система частей речи — это не статичная таблица, а динамическое поле напряженности. Проблема классификации берет свое начало еще в античных традициях, которые были адаптированы первыми русскими грамматистами. М.В. Ломоносов, создавая свою «Российскую грамматику», заложил в её основу принцип выделения восьми частей речи, опираясь на их логическую и предметную соотнесенность. Однако уже тогда стало ясно, что логика (как наука о мышлении) и грамматика (как наука о языке) не всегда совпадают. Если логика оперирует категориями понятия, суждения и умозаключения, то язык живет категориями формы, парадигмы и синтаксической связи¹. Это противоречие между логическим и лингвистическим подходами стало отправной точкой для всех последующих научных дискуссий.

Фундаментальная сложность классификации заключается в необходимости одновременного учета трех разнородных критериев: семантического, морфологического и синтаксического. Семантический критерий апеллирует к «общему грамматическому значению». Здесь мы сталкиваемся с первой серьезной проблемой: как отделить лексическое значение конкретного слова от его категориального смысла? Например, слова «ходьба» и «ходить» оба обозначают действие, но «ходьба» — это существительное, обладающее значением предметности.

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. — М.: Либроком, 2012. — С. 42–45.

В ответ на это Ф.Ф. Фортунатов и представители Московской лингвистической школы предложили морфологический критерий как единственный объективный способ классификации. Согласно их концепции, лингвист должен анализировать только внешнюю форму слова — его способность к словоизменению. Это привело к созданию системы «формальных классов». Если слово не изменяется, оно не может стоять в одном ряду с изменяемыми словами. При всей своей математической точности, этот подход породил новую проблему: огромные группы слов (наречия, предлоги, союзы) оказывались «вне системы» или объединялись в один аморфный класс неизменяемых частиц². Формализм Фортунатова критиковался за то, что он разрывал живые связи между словами, игнорируя их синтаксическую роль и смысловую наполненность. В языке существуют формы, которые морфологически идентичны, но выполняют диаметрально противоположные функции, и только морфологический анализ не способен их разграничить.

Решающий вклад в преодоление этого дуализма внес В.В. Виноградов, чья концепция «частей речи как лексико-грамматических разрядов» стала фундаментом современной русистики. Виноградов осознал, что часть речи — это сплав семантики, морфологии и синтаксиса. Он предложил многоуровневую систему, в которой слова делятся на четыре разряда: знаменательные слова (имена, глаголы), частицы речи (служебные слова), модальные слова и междометия. Виноградовский подход уникален тем, что он признает иерархичность системы. В центре каждой части речи находятся «ядерные» слова, в которых все три признака выражены максимально четко (например, конкретное имя существительное). На периферии же располагаются слова, в которых один из признаков ослаблен

² Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. — М.: Учпедгиз, 1956. — С. 158.

или замещен признаком другой категории. Именно на этой периферии и возникают основные проблемы классификации, так как здесь мы сталкиваемся с явлениями синкретизма и переходности³.

Современные дискуссии вокруг системы частей речи часто фокусируются на статусе местоимений и числительных. Являются ли они самостоятельными частями речи или это лишь функциональные группы внутри имен? Местоимения не называют предмет, а лишь указывают на него, обладая при этом грамматическими формами существительных, прилагательных или числительных. Это заставляет многих исследователей рассматривать их как «заместительные» разряды. Аналогично, числительные в современном языке демонстрируют тенденцию к распаду как целостной категории: одни из них ведут себя как существительные (миллион, тысяча), другие — как прилагательные (первый, второй). Эти факты подтверждают, что любая попытка втиснуть всё богатство языка в жесткую сетку десяти или двенадцати частей речи неизбежно сталкивается с сопротивлением самого языкового материала. Проблема классификации в первой четверти XXI века приобретает новый оборот: лингвисты всё чаще говорят об «антропоцентрической грамматике», где часть речи определяется не только её формой, но и тем, как она используется говорящим для структурирования мира. Таким образом, первая часть нашего исследования подводит нас к выводу, что классификация частей речи — это не просто поиск правильных корзин для слов, а изучение того, как человеческое сознание категоризирует реальность через призму языка, используя форму и функцию как неразрывное единство.

Центральным понятием здесь выступает явление переходности, или транспозиции, которое в современной лингвистике рассматривается не как

³ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Рус. яз., 2001. — С. 31–33.

досадная аномалия, а как основной двигатель грамматической эволюции. Суть проблемы заключается в том, что слова в процессе своего исторического развития и живого функционирования в речи имеют тенденцию мигрировать из одного лексико-грамматического разряда в другой. Этот процесс порождает огромные пласты «гибридных» слов, которые обладают признаками одновременно двух или более категорий, создавая ситуацию так называемого категориального синкретизма. В таких случаях классическая лингвистика, стремящаяся к однозначности, неизбежно сталкивается с необходимостью либо искусственно «втискивать» слово в одну из ячеек, либо признавать существование промежуточных зон, что ставит под удар саму идею дискретной классификации. Процесс перехода всегда начинается в синтаксисе, когда слово в силу коммуникативной необходимости начинает выполнять функции, не закрепленные за его исходной морфологической формой, что со временем ведет к десемантизации старого значения и кристаллизации нового грамматического статуса.

Наиболее ярким и дискуссионным примером такой «зависшей» классификации являются причастия и деепричастия. Полемика вокруг их природы не утихает в русистике на протяжении столетий. Если мы встанем на позицию «широкого глагола», которой придерживается академическая грамматика, то причастие рассматривается лишь как его репрезентативная форма, сохраняющая категории вида, времени и залога. Однако такая позиция игнорирует тот факт, что в живой речи причастие морфологически полностью ассимилировано системой прилагательных: оно склоняется по адъективному типу, согласуется с существительным и выполняет роль определения. Когда же мы имеем дело с адъективированными причастиями, такими как «блестящий», «выдающийся» или «изысканный», грань между формой глагола и самостоятельным прилагательным становится практически неуловимой. Исследователь вынужден искать тончайшие семантические

нюансы: сохраняет ли слово значение процессуальности или оно окончательно «застыло» в значении качества. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с деепричастиями, которые, утратив способность к изменению, функционально сблизились с наречиями. Конфликт здесь заключается в том, что деепричастие продолжает управлять зависимыми словами как глагол, но синтаксически ведет себя как обстоятельство. Этот дуализм доказывает, что части речи в современном русском языке представляют собой не изолированные острова, а сообщающиеся сосуды, где переходные формы обеспечивают гибкость и богатство синтаксических конструкций.

Еще одним «камнем преткновения» для классификаторов является категория состояния, или безлично-предикативные слова. С момента её «открытия» Л.В. Щербой лингвисты разделились на два лагеря: те, кто видит в словах типа «жаль», «нельзя», «холодно» (в предикативной функции) зарождение новой, мощной части речи, и те, кто считает их лишь функциональными вариантами наречий и имен. Категория состояния бросает вызов морфологическому критерию, поскольку её представители порой вовсе не имеют форм словоизменения, но при этом обладают уникальной грамматической категорией времени, выражаемой аналитически через связки. Это явление демонстрирует триумф синтаксиса над морфологией: позиция сказуемого в безличном предложении настолько сильна, что она переплавляет семантику слова, превращая предмет («лень») или признак («тихо») в чистое состояние. Проблема классификации здесь усугубляется тем, что категория состояния является открытой и активно пополняется, что заставляет современную грамматику постоянно расширять свои границы, уходя от канонических десяти частей речи в сторону более сложных многоуровневых моделей⁴.

⁴ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — С. 82.

Процессы субстантивации (перехода в существительные) и прономинализации (перехода в местоимения) также вносят существенный вклад в классификационный хаос. Когда прилагательное «столовая» или «больной» окончательно теряет связь со своим определяемым предметом и начинает само называть предмет или лицо, мы фиксируем акт рождения нового существительного. Но как быть со словами, которые находятся в стадии «функциональной субстантивации», когда в одном контексте они еще прилагательные, а в другом — уже существительные? Это порождает явление функциональной омонимии, которое требует от лингвиста не просто формального анализа, а глубокого прагматического и контекстуального исследования. Пронаминализация, в свою очередь, демонстрирует процесс «вымывания» лексического значения: когда слова типа «данный», «известный» или «целый» начинают употребляться в функции указателей, они фактически становятся местоимениями, сохраняя при этом облик прилагательных. Эти процессы доказывают, что лексикограмматические разряды в русском языке находятся в состоянии постоянной диффузии, и любая попытка провести между ними жесткую демаркационную линию будет в определенной степени искусственной.

В качестве итогового аргумента в пользу динамического подхода к классификации необходимо рассмотреть роль контекста как высшего арбитра лингвистических споров. Именно контекст является той лабораторией, где происходит окончательная идентификация слова. Как отмечал А.А. Потебня, слово — это не вещь, а процесс. Вне предложения слово «тепло» категориально не определено: оно может быть существительным («чувствовать тепло»), наречием («одеться тепло») или словом категории состояния («сегодня тепло»)⁵. Только синтаксическая дистрибуция и

⁵ Потебня А. А. Указ. соч. — С. 91.

семантическое окружение позволяют нам снять эту неопределенность. Это подводит нас к выводу, что проблемы классификации частей речи проистекают не из дефектов теории, а из самой природы языка как системы, ориентированной на человека и его коммуникативные нужды. Языку «выгоднее» иметь многофункциональные единицы, способные менять свой статус в зависимости от ситуации, чем бесконечно плодить новые морфологические формы. В эпоху цифровизации и стремительного изменения речевых практик мы наблюдаем ускорение этих процессов перехода. Современная русистика стоит перед необходимостью создания такой грамматики, которая бы описывала не только «статускво» частей речи, но и векторы их перемещения. Подводя итог нашему двухчастному исследованию, можно констатировать: система частей речи — это не иерархическая пирамида, а живая нейронная сеть, где «проблемы классификации» являются свидетельством здоровья и неисчерпаемого творческого потенциала русского языка, его способности адаптироваться к любым смыслам, которые человеческий разум стремится облечь в форму слова.

Список использованной литературы:

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1972.
2. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974.
4. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — М.: ГИЗ, 1941.
5. Русская грамматика. Т. 1: Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.